

Пленарное заседание МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ

23 мая 2019 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Сопредседатели заседания:

С. В. ВЕРШИНИН	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ	глава «Альянса цивилизаций» ООН, министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
Р. И. НИГМАТУЛИН	научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума УрО РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

И. О. Абрамова¹

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ СХВАТКА ЗА АФРИКУ²

Как и сто лет назад, второе десятилетие наступившего века ознаменовалось опасным обострением накопившихся в прошлом противоречий и нерешенных проблем между ведущими державами мира. Вновь в непримиримом конфликте столкнулись интересы старых государственных и негосударственных игроков, утвердившихся в предшествующие годы в качестве вершителей судеб на мировой геополитической и геоэкономической

арене, и их восходящих «новых» государственных и негосударственных конкурентов. Противоречия начала XX века, эпохи, когда раздел мира на огромные колониальные империи достиг своих естественных географических пределов, и марксисты-социалисты, и их консервативные оппоненты именовали «межимпериалистическими». Эти противоречия привели к двум мировым войнам, так и не закончившимся безусловным господством в мире только одного из участников. Не случайно, что некоторые мировые политические лидеры рассматривали происходившие в первой половине XX века события как одну незавершенную «большую войну» за роль конечного победителя.

Холодная война завершилась распадом СССР и быстрым перетеканием большинства его прежних союзников в лагерь Организации Североатлантического договора (НАТО). На исторически короткий промежуток времени на планете установилась иллюзорная ситуация «конца истории» — выявления пресловутого «конечного победителя» и установления однополярного мира во главе с этим новым гегемоном.

Однако объективные законы развития не позволяют ситуации оставаться неизменной неопределенно долго. Неравномерность социально-экономического развития

¹ Директор Института Африки РАН, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, профессор кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук. Автор более 250 научных трудов, в т. ч. 11 монографий: «Новая роль Африки в мировой экономике XXI века», «Ислам, глобальное управление и новый миропорядок» (в соавт.), «Арабский город на рубеже тысячелетий», «„Возникающие“ и „несостоявшиеся“ государства в мировой экономике и политике» (в соавт.), «Африканская миграция: опыт системного анализа», «Население Африки в новой глобальной экономике» и др. Член редколлегии научных журналов «Азия и Африка сегодня», «Ученые записки Института Африки РАН», «Конфликтология», «Контурсы глобальных трансформаций».

² Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 22 «Анализ и прогноз новых глобальных вызовов для России», подпрограмма «Африка в новых глобальных реалиях: вызовы и возможности для России».

государств и их альянсов, возвышение одних государственных, субгосударственных и негосударственных акторов и ослабление позиций других сначала размыли, а к настоящему времени практически полностью разрушили ситуацию однополярности в мире.

С началом XXI века наступил новый этап развития мировой цивилизации — ее постепенный переход к полицентричной модели. На международной арене новые акторы постепенно меняют правила и условия игры. Баланс глобальных сил смещается с Запада на Восток и с Севера на Юг. Международные отношения также преобразуются в результате воздействия так называемых больших вызовов. Растет экономическая мощь Китая и Индии, которые уже сегодня по объемам валового внутреннего продукта (ВВП) (12,263 и 2,488 трлн долл. в 2017 г. по обменному курсу соответственно) занимают второе и седьмое места в мире, обогнав не только Россию, но и такие страны, как Италия, Канада, Испания и Австралия¹. А по паритету покупательной способности Китай (23,301 трлн долл.) и Индия (9,449 трлн долл.) вышли в 2017 году на первое и третье место соответственно (на втором находится США)², полностью опровергнув все прогнозы весьма уважаемых корпораций Goldman Sachs и PricewaterhouseCoopers, эксперты которых считали, что лишь к середине XXI века эти страны окажутся в десятке лидирующих экономик планеты³. Иными словами, все процессы, происходящие в современном мире, с одной стороны, все более ускоряются, а с другой — становятся все менее предсказуемыми. Учитывая эти факторы, исследователи и эксперты, несмотря на конъюнктурные моменты, предсказывают ускоренный рост экономических потенциалов стран Востока и Юга.

При этом существующая система международных институциональных структур, определяющая правила игры в современной политике и экономике, по-прежнему настроена на интересы стран так называемого золотого миллиарда. Иными словами, растет конфликт между глобальным «экономическим базисом», который все более смещается с Запада и Севера на Восток и Юг, и глобальной «надстройкой» — политическими, военными, финансовыми и информационными институтами и инструментами управления, которые действуют в рамках Вашингтонского консенсуса. Противостояние приобретает все более острые формы, проявляясь в региональных вооруженных конфликтах, в информационных войнах с использованием всех без исключения средств, в том числе технологий манипулирования общественным сознанием, навязывания единственно верной, по мнению «старых игроков», системы подходов к тем или иным событиям и исповедования системы «западных ценностей».

Многополярность как новое вызревающее мироустройство, как никогда прежде, нуждается в системе

двухсторонних и многосторонних геостратегических сдержек и противовесов, исключающих или, по крайней мере, минимизирующих опасность глобального вооруженного столкновения.

На этом фоне происходит переоценка сравнительной значимости и роли регионов мира как зон столкновения интересов участников обновленного соперничества. В условиях крайней нежелательности сверхопасной прямой конфронтации между «старыми» и «новыми» игроками возросло геостратегическое и военно-политическое значение «периферийных» зон соперничества: Латинской Америки, Ближнего Востока и Африки.

Африке до последнего времени отводилась роль «аутсайдера» в мировом хозяйстве. Еще более ускорил отставание стран региона от передовых направлений экономики переход развитых стран на постиндустриальную и инновационную модели развития. Изошренные «программы структурной адаптации», навязанные африканским странам Бреттон-Вудскими институтами, усугубили бедственное положение африканского населения. Широко разрекламированные Западом обязательства по помощи развитию не выполнялись будто бы из-за отсутствия средств. Богатейшие африканские ресурсы нещадно эксплуатировались бывшими метрополиями и другими западными государствами. В самих африканских странах сохраняется высокий уровень коррупции. По результатам работы Комиссии Африканского союза (АС) высокого уровня во главе с бывшим президентом Южно-Африканской Республики (ЮАР) Т. Мбеки установлено, что незаконный отток капитала из Африки за последние 50 лет составил более 1 трлн долларов, а ежегодный превышает 50 млрд долларов. Все это привело к тому, что доля континента в мировом ВВП до сих пор не превышает 3 % (по паритету покупательной способности — 5 %), а в мировом экспорте товаров и услуг — 2,5 %⁴.

Но ситуация постепенно меняется. В настоящее время Африка развивается достаточно успешно. За последние 10 лет, несмотря на кризисные явления, среднегодовые темпы прироста достигали на континенте 4–5 %, что было существенно выше среднемировых показателей, а экономика 15 стран Африки растет сегодня на 7–8 % в год, то есть даже быстрее, чем в Китае. К тому же Африка обладает огромным демографическим «бонусом» — молодым населением, прирастающим быстрыми темпами и формирующим как современные рынки труда, так и колоссальный потребительский рынок. В результате Африка сегодня в стратегическом плане превращается в один из самых перспективных регионов мира, и западные страны, понимая, что в неравной конкурентной борьбе с новыми мощными экономиками Китая и Индии они проигрывают, пытаются найти новые «источники подпитки» для своего развития и находят их на Африканском континенте.

В последние годы ведущие мировые державы и центры экономической силы синхронно пришли

¹ <http://investorschool.ru/rejting-stran-po-vvp-2017> (дата обращения: 09.07.2018).

² <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD> (дата обращения: 09.07.2018).

³ <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/BRICs-and-Beyond.html>; <https://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/the-world-in-2050.html> (дата обращения: 09.07.2018).

⁴ https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/African_Economic_Outlook_2018_-_EN.pdf (дата обращения: 24.07.2018).

к осознанию высокой значимости ресурсного, человеческого и нарастающего экономического потенциала Африки в формирующейся новой модели глобального развития и мировой экономики. Следствием этого понимания стало усиление экономической экспансии в данный богатый ресурсами регион всех без исключения государств, претендующих на роль весомого игрока на мировой арене и значимой силы в будущей мировой экономике. Их задача — закрепиться в регионе путем инвестирования в имеющиеся и складывающиеся экономические цепочки. Это даст возможность не ограничиваться лишь торговыми связями с африканскими странами, а закрепиться в Африке на перспективу, гарантируя поступление существенного объема эксклюзивных ресурсов, которыми обладает континент, для собственного, в том числе инновационного, развития в новых экономических условиях.

В условиях разлома мирового экономического, политического и культурного пространства борьба за ресурсы и рынки, сохранение или завоевание экономических, политических и культурных позиций на африканском направлении между старыми и новыми игроками будет непрерывно нарастать и затронет все без исключения сферы деятельности человека.

Блок «старых игроков» рассматривает Африку прежде всего с трех точек зрения: прогнозируемых перспектив глобального экономического развития, ресурсной и военно-геополитической. Все три аспекта рассматриваются через призму соперничества с главными, как считается, существующими и потенциальными соперниками и конкурентами. В роли последнего видят прежде всего Китай и в несколько меньшей степени (особенно если говорить о Тропической Африке) — Россию. Одновременно Запад внимательно следит за возрастающей активностью и влиянием в этом регионе соперников «второго эшелона» — Индии, Бразилии, Ирана, Турции, монархий Персидского залива, обеих Корей.

Геостратегическое значение континента, естественно, предопределено его географическим положением в качестве южного флага НАТО — точками и театрами, контролирующими морские коммуникации, проходящие через Красное море, из Персидского залива и — шире — всего Индийского океана, а также по Южной Атлантике.

Официально в Африке больше всего военных баз и значимых стационарных военных объектов, юридически базами не именуемых, у Франции (Джибути, Габон, Кот-д'Ивуар, Реюньон, коморский остров Майотта, Сенегал). Также подобными объектами в африканском регионе обладают Англия (Кения, остров Вознесения, Британская территория в Индийском океане), Италия (Джибути), Индия (Мадагаскар, Сейшелы, Маврикий), Япония (Джибути), Турция (Сомали).

Американские военные создали обширную сеть из более 60 форпостов и пунктов размещения в Африке. В настоящее время часть из них используется, а часть является резервными или, как утверждается, закрыты, но, возможно, временно. Сюда относят базы, лагеря, коммуникационные центры/точки, порты. Все это охватывает как минимум 34 государства на континенте.

Формально подобные пункты считаются не базами, а «точками сотрудничества в области безопасности» (Cooperative Security Location — CSL) и служат якобы для временного базирования «в основном провизии и амуниции».

Зачем нужны эти базы? Что они охраняют? Декларируется, что их главная задача — защита критически важных коммуникаций НАТО, поддержание мира, предотвращение конфликтов в Африке и борьба с угрозой терроризма и пиратства. Не приуменьшая роли иностранных контингентов в решении хотя бы части декларируемых задач, нужно признать, что для всех вышеперечисленных государств указанные объекты являются прежде всего важными элементами утверждения их геополитической значимости и международного проецирования своей военной силы.

При этом внешние игроки, заинтересованные в использовании богатейших африканских ресурсов и рынков, активно вмешиваются во внутренние дела африканских государств, подливая масло в огонь конфликтов, боевых действий и «цветных революций».

На рубеже XX–XXI веков темпы роста экономик стран «золотого миллиарда» замедлились, что привело к некоторому сокращению масштабов потребления в развитых государствах. По нашим многочисленным опросам, проведенным в Германии, Италии, Испании, Франции и Великобритании, жители этих стран впервые за всю послевоенную историю отмечают, что сегодня они живут хуже, чем пять лет назад. И это связано не только с миграционным кризисом, но и с исчерпанием внутренних факторов развития западных государств в рамках существующей модели развития. Чтобы найти выход из сложившейся ситуации, эти страны (в первую очередь США, теряющие роль мирового гегемона) наращивают мощь военно-промышленного комплекса и развязывают локальные и региональные конфликты под видом продвижения так называемых идеалов демократии и борьбы с терроризмом. Создание ряда военных командований на территории Африки с целью мнимого разрешения конфликтов, содержание там многочисленного воинского контингента, развитие военной инфраструктуры, в том числе поддержание старых и создание новых военных баз, поставки вооружений прозападным африканским режимам и другие подобные действия не только служат цели расширения и успешного (в том числе с экономической точки зрения) функционирования военной индустрии США и стран Европейского союза (ЕС), но и обеспечивают контроль за африканскими ресурсами, имеющими стратегическое значение.

Несмотря на многочисленные и нередко успешные попытки сохранить Африку в качестве объекта мировой экономики и политики, континент все более обретает «субъектность» в международных отношениях, а его развитие в ближайшие десятилетия сможет, на наш взгляд, изменить его положение в новой модели мирового развития.

Темпы прироста ВВП в среднем по Африке южнее Сахары, по прогнозам аналитиков, в ближайшие десятилетия (начиная с 2020-х гг.) вновь могут превысить 5 %. В пяти странах они уже сейчас превышают 7 %.

годовых. Это Буркина-Фасо (8,4 % в 2017 г.), Эфиопия (8,1 %), Кот-д'Ивуар (7,3 %), Танзания (7,2 %) и Гана (7,1 %). В условиях ломки старой и вызревания новой экономической модели мира некоторые аналитики предрекают, что к 2050 году африканская экономика может вырасти с 2,2 трлн (данные на 2017 г.) до 29 трлн долларов и превзойти по объему ВВП США и Европейский союз¹.

Возможности экономического роста для Африканского континента расширяются благодаря начавшемуся в конце 2016 года повышению цен на сырьевые товары, однако не этот фактор является определяющим для африканского развития.

Начиная с 2030-х годов Африка, по имеющимся прогнозам, в том числе сделанным в Институте Африки РАН, превратится в важнейший и почти уникальный глобальный стратегический резерв источников сырья в рамках Грядущей (новой) производственной революции — NPR, Next (в других документах — New) Production Revolution. Африканский континент занимает сегодня ведущие позиции в мире именно по тем сырьевым товарам, которые не имеют аналогов и жизненно необходимы для развития оборонных и инновационных технологий XXI века. Другими словами, целый ряд металлов, импортируемых странами НАТО (алюминий, кобальт, хром, литий, колтан и т. п.), приобретает военно-стратегическую значимость. Так, например, уровень зависимости военно-промышленного комплекса Соединенных Штатов Америки от импорта из некоторых стран Африки южнее Сахары (Демократической Республики Конго (ДРК), Южно-Африканской Республики (ЮАР), Зимбабве и др.) цветных и редких металлов, технологически необходимых для производства современных видов вооружений, в частности двигателей для военной авиации, достигает 60 %, а по кобальту превышает 70 %.

Другими важнейшими факторами ускоренного развития Африки выступают расширение масштабов потребления на внутренних рынках африканских стран, диверсификация экономик ряда государств континента за счет повышения доли услуг и промышленности, существенное улучшение делового климата в результате совершенствования инвестиционного законодательства и постепенной стабилизации внутривнутриполитической ситуации. За последние семь лет страны Африки значительно повысили свой индекс конкурентоспособности. А такие страны, как Руанда и Маврикий, где соответствующий индикатор достиг величины 4,49, а также Ботсвана (4,29), Кения (3,9), Эфиопия (3,77), Сенегал (3,74), Кот-д'Ивуар (3,7) и Гана (3,69) превосходили по данному показателю успешно развивающиеся экономики Юго-Восточной Азии, включая Индонезию, Камбоджу и Мьянму, где данный индикатор не превышает 3,6².

По рейтингу *doing business*, три африканские страны — Маврикий (25-е место), Руанда (41-е место) и Марокко (69-е место) — опережают такие страны,

¹ *Abramova I. Potential of the African Continent in the Updated Strategy of Development of the Russian Federation // African Studies in Russia. Yearbook 2014–2016. Moscow, 2017. P. 7.*

² <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018/competitiveness-rankings> (дата обращения: 04.07.2018).

как Индонезия (72-е место), Китай (78-е место) и Индия (100-е место)³.

Иными словами, по инвестиционной привлекательности Африка ничуть не уступает азиатским лидерам развития, а по некоторым позициям и превосходит их.

Однако основным триггером развития африканской экономики в 2000-е годы стал рост частного потребления. По нашим подсчетам, его вклад в экономический рост в данный период составлял от 40 до 60 %. В среднем частное потребление в Африке росло в период с 2010 по 2018 год на 3,7 % ежегодно⁴. Такой прирост потребления в значительной степени обеспечивается быстрорастущим африканским населением и ускоренным формированием среднего класса, который уже сегодня составляет примерно 350 млн человек, или треть населения Африки. По нашим подсчетам, объем внутреннего потребления континента, который в 2017 году превысил 920 млрд долларов США (в 2008 г. он составлял 680 млрд), может увеличиться к 2030 году до 2,2 трлн долларов. И произойдет это в значительной степени за счет увеличения покупательной способности среднего класса, численность которого вырастет по меньшей мере вдвое⁵.

Таким образом, используя свои конкурентные преимущества в ресурсной сфере, активно балансируя между старыми и новыми партнерами, привлекая финансовые и технологические ресурсы, активизируя человеческий капитал, современная Африка постепенно превращается во влиятельного игрока в мировой политике и экономике, в необходимое звено в противостоянии «большим вызовам».

Проведенный в Институте Африки РАН эконометрический прогноз-анализ показал, что кривая индикатора «стратегическая заинтересованность в регионе внешних игроков» во временной промежуток 2020–2025 годы быстро меняет угол и кривизну подъема от плавного и пологого к резкому и крутому. Эта тенденция, по прогнозу, сохранится как минимум в ближайшие два десятилетия.

При этом, по нашим оценкам, значимость субрегионов Африканского континента будет возрастать асинхронно. Сегодня наибольший стратегический интерес у старых и новых игроков вызывает зона Южного Средиземноморья, куда входит не только Северная Африка, но и Сахель, включающий такие страны, как Сенегал, Мавритания, Мали, Алжир, Буркина-Фасо, Нигер, Нигерия, Камерун, Чад, Судан и Эритрея.

В 2020-е годы резко повысится стратегическое внимание к зоне Большое Красноморье, частично перекрывающейся южно-средиземноморской зоной. К ней относятся страны Африки и Азии с выходом к Красному морю (в том числе, помимо ранее упоминавшихся Египта, Эритреи и Судана, Джибути, Израиль, страны Аравийского полуострова, архипелаг Сокотра, Сейшельские острова и далее вплоть до архипелага Чагос)

³ <http://www.doingbusiness.org/~media/WBG/DoingBusiness/Documents/Annual-Reports/English/DB2018-Full-Report.pdf> (дата обращения: 13.07.2018).

⁴ Рассчитано нами по: World Bank. 2017. World Development Indicators 2017. Washington, DC.

⁵ Рассчитано нами по предыдущим источникам и по: https://read.oecd-ilibrary.org/development/african-economic-outlook-2017_aeo-2017-en#page29.

плюс не имеющий выхода к побережью африканский хинтерланд, включающий Эфиопию, Южный Судан, восток Чада и север Кении.

С конца 2020-х годов начнется бурный рост значимости юго-восточного и южного субрегионов Африки (Танзания, Мозамбик, Зимбабве, ЮАР и сопряженные территории), известного в западных стратегических разработках как Южный конус Африки.

В ближайшие 10 лет ведущие полюса глобальной силы усилят борьбу за доминирование в субрегионе Северной Африки и Сахеля. Усилившаяся в последние месяцы активность и готовность западных фондов проводить и финансировать совместные с российскими научными центрами «исследовательские» мероприятия и дискуссии именно по этому субрегиону косвенно подтверждает это. Регион тесными узами связан в первую очередь с Европейским союзом, своим ближайшим северным соседом. И речь идет не только о географической близости, хотя в районе Гибралтарского пролива расстояние между Европой и Африкой не превышает 14 км. Борьба за африканские, в том числе нефтегазовые, ресурсы — одна из важнейших, но не единственная экономическая причина активизации европейцев в зоне Северной Африки и Сахеля. Страны субрегиона — важный рынок для продукции и технологий европейских государств, вступающих на африканском поле в конкурентную борьбу с другими игроками, в первую очередь с США, Китаем и Россией.

Регион Красноморья, по прогнозам, в 2020–2030 годах будет переживать экономический бум и, как следствие, рост геостратегической значимости, проистекающий из его активной интеграции в глобальные инфраструктурно-транспортные и информационно-коммуникационные цепочки. В немалой степени это связано с усилением к нему внимания в рамках проекта Нового шелкового пути и мегапроекта «Китайская мечта». Уже сейчас субрегион стал объектом ускоренного создания военных баз внешних для Африки центров силы — четкое свидетельство его стратегической долгосрочной значимости для ведущих мировых полюсов. (На африканском фланге субрегиона уже созданы или строятся военные базы и объекты США, Франции, Китайской Народной Республики, Саудовской Аравии, Италии, Федеративной Республики Германия, Турции, Объединенных Арабских Эмиратов, Японии и др.).

Рост геостратегической значимости Южного конуса Африки прогнозируется на более отдаленную перспективу — примерно на 15–20 лет — и будет зависеть от интенсивности введения в коммерческий оборот недавно открытых огромных, но труднодобываемых углеводородных ресурсов в Мозамбикском проливе и стратегического сырья (главным образом руд с содержанием редких и редкоземельных металлов в зоне Медного пояса и южном Зимбабве) в увязке и в зависимости от интенсивности включения Китаем этих ресурсов в обеспечение своего стратегического потенциала.

В страновом плане можно выделить три потенциально значимых региональных центра силы в Африке южнее Сахары и один в Северной Африке. Каждый из них на среднесрочном (7–12 лет) или долгосрочном (15–20 лет) горизонте прогнозирования сможет претен-

довать и на значимую роль, выходящую за рамки Африканского континента. В Субсахарской Африке речь идет о ЮАР, Нигерии и Эфиопии. В Северной Африке это Египет. Главные факторы, выступающие в пользу этих стран, — быстрорастущее население (191 млн в Нигерии, 105 млн в Эфиопии, почти 100 млн в Египте и 55 млн в ЮАР)¹, мощная по региональным масштабам (Нигерия, Египет, ЮАР) или быстрорастущая экономика (Эфиопия), значительные по меркам континента вооруженные силы — неоспоримые достижения и амбиции в борьбе за роль «африканского лидера» и/или «локомотива развития» континента (африканский аналог роли Германии в Евросоюзе, интеграционная модель которого принята Африканским союзом за образец).

Россия, к сожалению, только в последние 2–3 года осознала важность использования «африканского вектора» при решении стратегических задач собственного экономического развития. Во многом этому способствовали санкции, введенные западными государствами. Российским экономическим операторам до сих пор не хочется выходить из «зоны комфорта» и переориентироваться с западного на южное направление. Но делать это придется. О развороте в сторону Африки свидетельствует принятое на коллегии Министерства иностранных дел в мае 2018 года решение о разработке новой стратегии взаимоотношений Российской Федерации и африканских государств. Предыдущая стратегия была принята в 1994 году и уже не отвечает интересам ни России, ни Африки. В этом плане настоятельно необходимо радикальное усиление внимания Российской Федерации к африканскому направлению, включая политическую, экономическую и культурную (особенно в сфере образования и подготовки кадров) составляющие.

Важнейшим шагом в развитии российско-африканских отношений станет проведение первого в истории не только Российской Федерации, но и СССР полномасштабного российско-африканского саммита в Сочи в октябре 2019 года с участием большинства лидеров африканских государств и Президента Российской Федерации В. В. Путина. В рамках большого саммита будет организован экономический форум «Россия–Африка» с участием глав государств Африки и руководителей международных организаций. Россия пытается вернуть утраченные в 1990-е годы позиции на континенте, но сделать это с каждым днем становится все труднее, учитывая растущую день ото дня конкуренцию, смену африканских элит, снизившиеся финансовые возможности Российской Федерации. Вот почему нашей стране необходимо определить наиболее перспективные для политического и экономического взаимодействия африканские страны и отраслевые приоритеты сотрудничества и сконцентрироваться в первую очередь на них.

Поставки промышленных товаров в африканские страны могут стать одним из факторов развития несырьевых отраслей российской экономики и способствовать выполнению задачи повышения доли несырьевого экспорта Российской Федерации, сформулирован-

¹ The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2119rank.html> (дата обращения: 31.07.2018).

ной В. В. Путиным в майских указах 2018 года. Речь идет, в частности, о выпуске железнодорожной, агропромышленной, транспортной техники, производстве сельскохозяйственной продукции, атомных, космических, медицинских, радио- и цифровых технологиях.

В Африку России надо вернуться всерьез и надолго, не просто для того чтобы не отстать от других,

а четко осознавая необходимость взаимодействия с африканцами на всех направлениях. Активное российско-африканское сотрудничество позволит обеим сторонам извлечь геополитические и геоэкономические дивиденды, способствуя развитию их экономик и укрепляя позиции Российской Федерации и африканских государств на международной арене.